

КЛОПЫ ФОН ЛЯША И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Андрей **НОВИКОВ**



Андрей Вячеславович — поэт, прозаик, публицист — родился 26 декабря 1961 года в селе Алабузине Бежецкого района Тверской (Калининской) области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, семинар В. Кострова. Работал корреспондентом, ответственным секретарём в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортёр», специальным корреспондентом РИА «Новости» по Липецкой области. Печатается с 1982 г. Первый поэтический сборник выпустил в Воронеже в 1988 г. по рекомендации С. Михалкова. Автор девяти книг. Работает литературным редактором информационно-аналитического журнала «Успех 48». Живёт в Липецке.

КЛОПЫ ФОН ЛЯША

При доме имелся хороший сад, в нём росли виноград, инжир, грецкий орех, хурма — его мечта, некогда жителя северного региона страны.

Когда прокурор Заловкин вышел в отставку, то поселился в Крыму, купив небольшой, но добротный дом в десяти километрах от Евпатории. При доме имелся хороший сад, в нём росли виноград, инжир, грецкий орех, хурма — его мечта, некогда жителя северного региона страны. Через несколько дней после переезда бывший прокурор нагнал из винограда чачи и с удовольствием пропускал каждый день несколько стопок виноградной водки. Супруга Заловкина впервые в жизни наварила инжирного варенья. Купаться на пляж они ездили по два раза в день на автомобиле. Переезжая в Крым, бывший прокурор наконец купил модный белоснежный «крузак», а до этого всю свою карьеру Заловкин не приметно ездил на отечественных автомобилях.

Деньги на дом и на дальнейшую безбедную жизнь он накопил ещё в ельцинские времена, крышуя в районе продажу

палёного спирта. Мужики умирали как мухи, но Заловкину было всё равно, доходы от дилеров смертельного бизнеса он менял на доллары, понимая, что при существующей инфляции рубли неизбежно превратятся в прах. Банкам доверял, но боялся высветить несправедные и нелегальные доходы.

Прокурор Заловкин с началом эпохи перестройки начал пописывать краеведческие статьи на модную тему разоблачителей политических репрессий. Писал он сухо, иногда и вовсе невнятно, но, имея по служебному положению доступ к правоохранительным архивам, вытащил на свет божий документы о польских военнопленных, за что, к неудовольствию начальства, получил польский рыцарский крест. С этим белым крестом он сидел на коллегиях прокуратуры, хотя выглядел комично. Природа одарила Заловкина маленьким ростом и непомерно большой головой, а из-за землистого цвета лица от проблем с желудком он напоминал сказочного гоблина. Даже его супруга Раиса Петровна во время ссор называла мужа «пингвином коротконогим».

Коллеги шептали в спину Заловкину, да так, чтобы он обязательно слышал: «Это как же нужно Родине нагадить, чтобы от проклятых ляхов крест получить?!»

Но Заловкина это не смущало, крестом он гордился, чувствуя незыблемую либеральную конъюнктуру в стране. Всё время, боясь разоблачения с продажей палёного спирта, он провоцировал начальство своим поведением, рассчитывая в случае возбуждения уголовного дела против него выставить свою персону как некую жертву новых политических репрессий. Но ушёл на заслуженную прокурорскую пенсию достойно и спокойно.

В семье Заловкина была трагедия: единственный сын Сергей вырос алкоголиком. Отец смог пристроить его по благу в Саратовскую юридическую академию, надеясь на создание целой прокурорской династии. Но, как позже выяснилось, дитяtko за год учёбы ни разу не появилось на лекциях. Сын Сергей все эти месяцы беспробудно пил. Забирала его из Саратова мать. Раиса Петровна, любящая единственного сына слепой материнской любовью, после укоряла мужа: дескать, если бы она настояла снять для сына отдельную квартиру, он не жил бы в общежитии, где друзья-однокурсники часто выпивали. В ответ Заловкин только крутил пальцем у виска и пенял жене: «Ты сама из сына идиота вырастила, до сих пор его прихотям потакаешь». На что Раиса Петровна ехидно возражала: «Это он в твоего папашу, своего дедушку алкоголик! Свёкор, как помню, напьётся, так ещё задом наперёд на велосипеде по деревне ездит и ведь не шлётся ни разу! И неработный тоже в деда, тот нигде на работе больше трёх месяцев не задерживался».

Сына мотало по стране, он всё искал место в жизни, в конце концов осел в далёком Калининграде. Сергей был ещё

Прокурор Заловкин с началом эпохи перестройки начал пописывать краеведческие статьи на модную тему разоблачителей политических репрессий. Писал он сухо, иногда и вовсе невнятно, но, имея по служебному положению доступ к правоохранительным архивам, вытащил на свет божий документы о польских военнопленных, за что, к неудовольствию начальства, получил польский рыцарский крест.

и коллекционером-любителем нацистской символики. Позже выпросил у отца деньги на покупку квартиры в Калининграде, присмотрел её в бывшем немецком доме в тайной надежде найти там клад, оставленный срочно депортированными после войны немцами. А когда узнал, что в этой квартире некоторое время жил комендант Кёнигсберга немецкий генерал Отто фон Ляш, то мысль завладеть именно этой квартирой перешла буквально в одержимость.

Известно, что клады в Калининграде будоражат умы искателей начиная с весны 1945 года. Тогда и началась история с поисками сокровищ и ценностей уехавших немцев. Сергей знал, что это не вымысел и не какая-то спекуляция сведениями. Возможно, некоторые мифы и легенды несколько искажают реальную историю событий, но в народе бытовало мнение, что Калининград является Клондайком. В столице Восточной Пруссии немцы, уезжая, прятали свои сокровища, надеясь на возвращение, но так и не смогли их вернуть. Когда Советский Союз прекратил своё существование, железного занавеса не стало и немецкие граждане начали приезжать на бывшую Родину, тогда и появились слухи о якобы найденных ими тайниках. Клады до сих пор находят и калининградские искатели. Но это в основном бытовые вещи, посуда, столовое серебро, домашняя утварь.

Когда Советский Союз прекратил своё существование, железного занавеса не стало и немецкие граждане начали приезжать на бывшую Родину, тогда и появились слухи о якобы найденных ими тайниках. Клады до сих пор находят и калининградские искатели.

Деньги на бывшую квартиру фон Ляша Сергей вымогал у отца несколько месяцев, угрожая написать заявление его начальству за нелегальную торговлю спиртом. Своего он добился. Но, купив возжеленную немецкую квартиру, никакого клада там не нашёл и ещё больше запил. Однако тайник всё-таки в квартире был, Сергей нашёл в чулане нишу в стене из разобранных кирпичей, впоследствии грубо заклеенную обоями. От соседей он узнал, что в девяносто первом в дом приезжал дальний родственник фон Ляша и квартиру снимал на несколько дней.

Женился сын на какой-то полубомжихе. Она родила ему девочку и тут же исчезла. Сергей умер от цирроза печени в тридцать два. Внучку из Калининграда привёз бывший коллега-прокурор, а квартира ушла чёрным риелторам. Последний год они спаивали Сергея, вогнали в долг и заставили подписать нужные документы. Заловкин даже не успел вмешаться, а судиться стало практически бесполезно.

Внучку Дашу, худенькую некрасивую девочку в сарафане на вырост, с непропорционально большой, как у Заловкина, головой, привезли с одним полиэтиленовым пакетом всего её бедного имущества.

Пакет неделю простоял в коридоре у вешалки, а когда Заловкин достал вещи девочки, на пол упал бордовый клоп. Заловкин клопа немедленно раздавил, отчего по квартире пошёл стойкий запах старого коньяка. Он выбежал из дома и выбросил пакет с одеждой внучки в мусорный контейнер.

Но было уже поздно. На следующее утро Раиса Петровна проснулась в аллергических волдырях от укусов клопов. Укусы насекомых Заловкин обнаружил и у себя на теле, но с меньшими последствиями.

С клопами супруги стали бороться с помощью дихлофоса, они обильно поливали диван и двуспальную кровать, стараясь обработать все щели и складки. Клопы исчезали, но через некоторое время появлялись снова. Заловкин расспросил внучку, были ли у них клопы в Калининграде.

Даша рассказала вовсе неутешительную историю. Клопы в калининградской квартире не только были, а, по рассказам соседей, их не могли вывести ещё с немецких времён. Кусали они тамошних обитателей так нещадно, что однажды, будучи в сильном подпитии, Сергей пытался квартиру сжечь!

После этого Заловкин вызвал работников санэпидстанции, и они провели полную дезинсекцию, посоветовав всё-таки выбросить мягкую мебель. Заловкин совет немедленно выполнил, предварительно заказав новые диван и кровать. В квартире супруги не жили несколько дней, снимая на это время номер в гостинице. Но клопы всё равно никуда не исчезли.

В одну из таких беспокойных ночей бывшему прокурору в полудрёме и полузабытии явилось некое сновидение. Он увидел себя в злополучной немецкой квартире. Всё было явственно: цвет дорогих обоев, электропроводка на керамических шашечках поверх стен, планировка квартиры с колоритом начала XX века. Голос свыше прочитал ему лекцию о быте немцев того времени, в ходе которой Заловкину разрешили брать в руки любые предметы быта, открывать дверцы шкафов, мерить старую одежду и заводить патефон с речами Гитлера. Себя же он увидел в большом зеркале в форме шарфюрера гестапо.

Квартира состояла из прихожей, гостиной, спальни, подвала, кухни и чулана. Даже в большом чулане стояла добротная мебель из натурального дерева с красным оттенком.

Горничная его пригласила на кухню, где за дубовым обеденным столом сидел и явно ожидал его комендант города и крепости Кёнигсберг генерал Отто фон Ляш. Он величественным жестом пригласил Заловкина сесть за стол и приказал горничной принести знаменитый кёнигсбергский чай с марципаном и французским коньяком.

К своей чашке чая ошеломлённый Заловкин так и не посмел притронуться, а фон Ляш, добавив в чай коньяк и тростниковый коричневый сахар, помешивая серебряной ложечкой, обратился к нему на совершенном немецком языке с баварским акцентом: «Предчувствуя падение, как казалось фюреру, неприступного Кёнигсберга и взятие его советскими войсками, чтобы сделать проживание русских в Кёнигсберге невыносимым, я три месяца назад поручил профессору Рудольфу Вайглю создать в его секретной лаборатории уникальных и ничем

Клопы в калининградской квартире не только были, а, по рассказам соседей, их не могли вывести ещё с немецких времён. Кусали они тамошних обитателей так нещадно, что однажды, будучи в сильном подпитии, Сергей пытался квартиру сжечь!

непобедимых клопов, поскольку на немецкий дух и арийскую доблесть я потерял всякую надежду...»

При этих словах Ляша бывший прокурор Заловкин громко икнул.

А генерал продолжал: «Эти клопы, как я полагаю, ныне и есть совершенное биологическое чудо-оружие Третьего рейха. Они невосприимчивы к ядам, могут впадать, если будет необходимо, в столетний анабиоз, и это делает их практически бессмертными. Пусть существование и проживание русских в нашей Восточной Пруссии, в нашем прекрасном древнем городе, городе коронаций, позволят русским осознать тот факт, что человеческие несовершенства способны привести к катастрофам не только немцев, но и сегодняшних победителей. Конечно, русские сегодня могут лишиться тысячи людей всего, ради чего стоит жить: Родины, имущества, веры в справедливость Всевышнего. Но и победителей впоследствии догонит такая же участь».

Обескураженный откровениями Отто фон Ляша, находящийся в полной прострации Заловкин только вопросительно твердил: «Warum? Warum?»*

А фон Ляш с горькой усмешкой продолжал: «Меня лично с Восточной Пруссией связывают многие узы. Населявшие этот край люди — стойкое племя. Кропотливым трудом на протяжении веков они превратили довольно скудную почву в хорошо возделанные земли. Они питают к своей родине бесконечную любовь и редкую преданность. Сдержанные и настороженные по отношению ко всем чужеземцам, они тем не менее гостеприимны. Моя жена родом из Восточной Пруссии. Здесь же родились и оба моих ребёнка. Сестра моей жены — из окрестностей Лика. Безвозвратно ушло то прекрасное время, когда я мог охотиться в компании славных друзей в лесах Восточной Пруссии, а богатые трофеи, добытые на охотничьих тропах, потеряны вместе со всем моим имуществом. За годы службы войсковым командиром, в период учений и манёвров, мне приходилось соприкасаться со всеми слоями населения. Если потребуются ещё доказательства симпатии ко мне жителей Восточной Пруссии, то теперь следует говорить: «Да здравствует не Gott mit uns»**, а «Bettwanze mit uns!»***

При этих словах бывший ельцинский либеральный прокурор неожиданно для себя вскочил, выбросил руку вперёд в фашистском приветствии и, выпучив глаза, истошно прокричал: «Sieg Heil!»****

Проснулся Заловкин в холодном поту, истово перекрестился и вспомнил, что он уже две недели на пенсии и деньги на покупку дома в Крыму давно отложены.

В первые два года «крымской весны» цены на дома были ещё невелики, рост на недвижимость на полуострове устремился вверх позже. Не мудрствуя лукаво Заловкин выбрал дом на популярном интернет-сайте и оформил сделку. Квартиру они

Если потребуются ещё доказательства симпатии ко мне жителей Восточной Пруссии, то теперь следует говорить: «Да здравствует не Gott mit uns», а «Bettwanze mit uns!»

* Почему? Почему? (нем.).

** Бог с нами — девиз Третьего рейха (нем.).

*** Постельный клоп с нами! (нем.)

**** Нацистское приветствие, буквально «Слава победе!» (нем.)

быстро продали, решили не брать личные вещи и чемоданы из-за проклятых клопов, собираясь всё приобрести на новом месте. Вещи оставили будущим хозяевам. Внучке не разрешили взять с собой даже её любимые мягкие игрушки.

Они понимали, что жаркий, сухой климат будет им, уроженцам северного региона, несколько тяжеловат, но все минусы перечёркивало море.

Заловкины наслаждались Крымом в первый месяц после переезда. Дом был небольшой, но добротный и уютный. Весь месяц они проводили с внучкой Дашей на море, а вечерами он выпивал полбутылки чаи и ложился спать. Но в один из жарких вечеров, раздевшись, он хотел выключить свет и лечь в постель, но, мельком взглянув на потолок, обомлел. Прямо над его кроватью тевтонским клином, знаменитой немецкой рыцарской «свиньёй», проходил отряд клопов, а у жоака на спине были чёрные пятна, похожие на череп с костями. Заловкин помертвел и понял, что от мстительных клопов фон Ляша ему не избавиться никогда.

ГИДРОКУРИЦА

Из своего детства Виктор Кузьмин хорошо помнил маленький рыбный магазинчик на первом этаже пятиэтажки, в которой прожил с родителями до ухода на службу в армию. Рыбный запах ощущался даже на улице. На бетонных ступеньках сидели и млели коты, так и не решаясь заглянуть или проникнуть за стеклянную дверь. Они выпрашивали, и очень удачно, рыбёшку у выходящих покупателей.

Рыба была свежая, разложенная на прилавке в ледяной крошке и в богатом ассортименте, не в пример перемороженной в нынешних сетевых магазинах. Порой, если бросишь её на сковороду, то она пузырится водой, расплзается и превращается в некий рыбный кисель. А какая была в те времена селёдка! Селёдку привозили в бочках, крупную и жирную. Продавщица заворачивала её в коричневую плотную почтовую бумагу. Селёдка попадалась с икрой, маленькие икринки вкусно тёрлись на языке и зубах, так и просили стопочку водочки.

Отец Родион Сергеевич, покупая селёдку, обязательно брал четвертинку, а ещё, намазав сливочного масла на чёрную корочку ржаного бородинского хлеба, клал жирный пласт селёдки, сверху добавляя бордовую косичку икры, и, сидя на кухне, пропускал рюмочку-другую, закусывал и аппетитно кричал.

Селёдку он разделявал мастерски: аккуратно поддевал кожу маленьким перочинным ножом, снимал её чулком, а после разрывал рыбу на две половины с хвоста, и хребет с костями отрывался от филе.

На бетонных ступеньках сидели и млели коты, так и не решаясь заглянуть или проникнуть за стеклянную дверь. Они выпрашивали, и очень удачно, рыбёшку у выходящих покупателей.

Кроме того, в магазине продавали огромных размеров камбалу. Один раз отец принёс домой, наверное, метровый экземпляр. Пожарил камбалу на большой чугунной, ещё бабушкиной, сковороде. Жарил со знанием дела: на раскалённом масле, чтобы образовалась золотистая корочка, а внутри рыба осталась сочной. Так и получилось, домочадцы за круглым кухонным столом уплетали куски и нахваливали, а отец, посмотрев на рыбный пир, неожиданно сказал: «Хороша, как будто деревенская курятина, ну прямо не камбала, а действительно гидрокурица!»

Позже, когда он вырос, узнал, прочитав как-то в газете эпохи перестройки, что в хрущёвские времена магазины были завалены хорошей камбалой, а употребление рыбы стал настойчиво пропагандировать советский общепит, придумав в рабочих столовых рыбные дни по четвергам. В народе так и прозвали хрущёвскую камбалу «гидрокурицей». Рыба тогда была невероятно дешёвой и качественной, как и другие морепродукты. Кальмары и креветки практически никто не покупал. Позже, в семидесятые годы, в магазине появились консервированные кальмары, банка стоила всего восемь копеек. Соседки-пенсионерки купили как-то их на пробу, но, открыв банку, брезгливо выбросили в мусорное ведро и со знанием дела рассказывали: «Фу, открыли банку, а там белые червяки!».

Виктор понимал, что за червяков старушки приняли щупальца кальмаров! Они, посмеиваясь над пенсионерками, постепенно скупили в магазине практически всю партию консервов.

Как только Виктору стукнуло восемнадцать, отец начал изредка брать его в самую большую пивную в городе. Сооружённая из рыхих огромных металлических конструкций, она одиноко стояла посреди большого пустыря. В центре пивной красовался небольшой открытый дворик с фонтаном из мелкой голубой плитки. Там собирались все тогдашние слои общества, и в народе пивную ласково называли «пивбар на поле дураков».

В пивную уходили на несколько часов, и отец брал с собой бельевой эмалированный таз. Тарелка креветок в пивбаре стоила всего десять копеек, отец набирал их целый таз, а кружек пива он выпивал не менее двадцати. Пивные кружки мыли прямо в фонтане, сушили на деревянном штaketнике, и блестили они на заборе как богатырские шлемы.

Из хрущёвки семья переехала, когда Виктор ещё дослуживал срочную службу. Вернулся из армии уже в новую квартиру, но не в центре города, а в спальном районе. Тогда он узнал, что рыбный магазинчик закрыли, а на его месте появилось почтовое отделение. Но рыба от Виктора по иронии судьбы никуда не ушла. Он, пусть и случайно, временно устроился в копильный рыбный цех, а после, поняв преимущества неожиданной работы, задержался там на много лет. А почему

В народе так и прозвали хрущёвскую камбалу «гидрокурицей». Рыба тогда была невероятно дешёвой и качественной, как и другие морепродукты. Кальмары и креветки практически никто не покупал. Позже, в семидесятые годы, в магазине появились консервированные кальмары, банка стоила всего восемь копеек.

бы и нет? Если с каждой смены Виктор приходил домой с большой сумкой копчёной рыбы, чаще всего это были лещи и скумбрия. Теперь уже за ним по улице бежали мяукающие коты, а для домашнего кота Тимофея вообще наступил кошачий коммунизм.

Удивительно, но Кузьмин-старший не особенно старел, одно время отец и сын выглядели чуть ли не как ровесники. Мать Виктора, Людмила Ивановна, тихая и всё время чем-то недовольная женщина, с укоризной приговаривала мужу: «Тебя, старый дурак, ничего не берёт, как огурец! А у Вити уже виски седые...»

Женился Виктор поздно, жена Света оказалась продавщицей в рыбном отделе супермаркета. Рыбы в доме становилось всё больше. Но жена приносила только минтай, мойву и путассу. Эту рыбу отдавали знакомым и соседям. Ребёнка Светлана родить так и не смогла, всё кончалось внематочными беременностями или выкидышами.

Людмила Ивановна тихо, но внятно шипела ей в спину: «Нашёл Витя корову яловую, удружил сынок, а я ведь его от женьтибы отговаривала».

Светлана делала вид, что не слышит, хотя в эти моменты у неё покальвало сердце.

Света хотела взять ребёнка из детдома, но свекровь агрессивно воспротивилась и выдавливала из себя тонкими губами: «Плохая наследственность» или «Будете жить в своей квартире, тогда и берите хоть негритёнка».

Однако купить свою квартиру Виктор и Света, конечно, не могли и по-прежнему жили с родителями. Родион Сергеевич дипломатично держал сторону невестки, понимая, что сын никого лучше уже не найдёт. По неродившимся внукам вроде бы совершенно неэмоциональный мужик, просыпаясь среди ночи, часто плакал в подушку, понимая, что род Кузьминых прерывается.

Умер Родион Сергеевич внезапно, как будто чья-то невидимая рука щёлкнула выключателем. Для Виктора это было горькой неожиданностью. Он думал, что отец проживёт ещё много лет. Родион Сергеевич ничем никогда не болел, даже простудой и гриппом. Отец, заядлый рыбак и грибник, мог по лесу запросто пройти с десятков километров и никогда не уставал. Его смерть произошла за день до именин сына. Виктор в тот день вспомнил детство, увидев на прилавке только что открывшегося рыбного супермаркета «Русский невод» большую свежую камбалу. Покупая её, он невольно произнёс: «Вспомню настоящий вкус из детства!»

Когда рыбу принёс домой, отец тоже обрадовался: «Давно такую большую не видел, сейчас пожарим!»

Они сели ужинать без жён, отец достал из холодильника запотевшую четвертинку и банку острой морковки по-корейски. Камбала была действительно отменная. Время приближалось

Рыбы в доме становилось всё больше. Но жена приносила только минтай, мойву и путассу. Эту рыбу отдавали знакомым и соседям.

к восьми вечера, отец обычно смотрел передачу «Большая стирка». Минуты за три до начала эфира с Андреем Малаховым отец встал из-за стола со словами: «Ну, я пошёл на дураков Малахова посмотреть...»

Виктор улыбнулся и одобрительно кивнул. Но после этих слов отец успел только сделать два шага и внезапно посинел губами, захрипел и стал медленно оседать у холодильника.

Виктор вскочил, подхватил отца на руки и опустился на пол вместе с ним, громко причитая: «Папа, папа, что с тобой, папа, ты меня слышишь? Только не умирай!»

Жена Виктора Светлана, отреагировав на крик мужа, прибежала к ним с побелевшим лицом и вызвала по мобильному неотложку. Удивительно, но скорая приехала всего минут через семь. Машина случайно проезжала мимо их района и приняла срочный вызов диспетчера.

Всё это время Виктор прощупывал пульс на шее отца и отчётливо его слышал. Когда врач и фельдшер скорой помощи тяжёлой походкой вошли в дверь, он обрадовался и был уверен, что отца сейчас спасут. Но врач, бегло посмотрев на пациента, равнодушно обронил: «Он уже умер».

Виктор удивился и растерялся: «Доктор, что вы говорите? Это неправда, проверьте у него пульс!»

Доктор только пожал плечами, не отрываясь от заполнения необходимых бумаг: «Он умер сразу, как упал, это вы свой пульс слышите, а не его».

После доктора приехала полиция, осмотрела лежавшего на полу отца, полицейский на кухне написал протокол о естественной смерти. Вопросов он задал мало. Ещё часа через два приехала труповозка, но водитель был один и попросил помочь перенести тело в машину. Они жили на втором этаже, отца вынесли на простыне и погрузили на носилки уже в машине. Водитель громко захопнул двери «газели», и она растворилась в сумерках. Виктор вернулся домой, сел за кухонный стол и закурил. Взгляд упал на сковороду с оставшимся куском камбалы. Его внезапно вырвало. Больше он гидрокуру ни когда в жизни не ел.

ЛЮБИТ ЧУДАКОВ ЯПОНИЯ

Работала Нинка Полосина вахтёром на мясокомбинате. Работа знатная была. Оклад в советское время — 70 рублей в месяц, но на самом деле могла она зарплату вообще не получать, в свою вахтёрскую смену на проходных мясокомбината по 100–120 рублей в сутки имела. И рассказывала она об этом так:

— Идут утром работницы-курвы через проходную, задницы нет, живота нет, причёски нет. А после смены возвращаются: под платками шиньоны из сосисок, животы колбасой

Удивительно, но скорая приехала всего минут через семь. Машина случайно проезжала мимо их района и приняла срочный вызов диспетчера.

обязаны, на задницах мясо прикручено. Остановлю, они мне втихаря деньги в карман суют. Так за смену больше месячной зарплаты домой приносила!

Богато зажила Нинка, мебелью импортной квартиру обставила, ковры купила, хрусталь, сыну — мотоцикл «Ява» и модный японский радиокотбайн. А потом и вовсе диковину по советским временам — видеоманитофон с цветным телевизором в комиссионном магазине приобрела. Одна беда: узнал Нинкин муж, что жёнка его за такую красивую жизнь с начальником охраны спит. Заявление в милицию написал, подал на развод и в Москву таксистом работать уехал.

Строго боролись в советские времена с гнусными расхитителями социалистической собственности. Следовательно Нинку сажать не стал, но, чтобы от него откупиться и уголовную статью на тормозах спустить, пришлось ей всё имущество распродать, да ещё и все накопленные деньги в милицию отнести.

Так и осталась она в пустой квартире, без мужа, без работы и ещё с несовершеннолетним, но уже практически взрослым сыном, который оканчивал среднюю школу и которого нужно было в институт пристраивать.

А тут двоюродная сестра, заведующей рабочим общежитием была, заходит к Нинке в гости и за бутылочкой говорит:

— Жить тебе, Нина, не на что, так я тебе в общежитии мужичка присмотрела, пусть он придурковатый, но тихий, сварщиком на заводе работает, три сотни получает!

— Да пусть придурковатый, мне хоть зубы на полку клади, а сына выучить надо, приводи.

И началась новая семейная жизнь. Зайдут подружки в гости, сядут за стол, а муж в сторонке на диване в трусах сидит, кулачком щеку подпирает, пустыми глазами на гостей смотрит и слушает. А Нинка только пальцем у виска крутит и приговаривает: дескать, вы не обращайте внимания на моего муженька-придурка.

Встретила она знакомых на трамвайной остановке, разговорились. Минута не прошла, а вокруг остановки шум, толпа у трамвая собралась. А Нинка уже беду чует:

— Это с моим муженьком что-то случилось.

Раздвигает она толпу — и верно. Муж её чуть под трамвай не попал, хорошо, что вагоновожатая успела защитную сетку вовремя выбросить. Лежит её муж в сетке, а вагоновожатая — бледная и за сердце хватается.

— Да успокойся ты, — утешает её Нинка, — это мой муж.

И продолжает:

— А ты чего в трамвайной сетке разлёгся? Вылезай, придурок!

Была ещё такая история. Пошла она с мужем в магазин. Пока по магазину ходила, муж на улице курил. Выходит — мужа

Строго боролись в советские времена с гнусными расхитителями социалистической собственности.

Вот и подумай: любит чудаков Япония!

нет, заходит за угол, а его ребята в кусты ведут и шляпу уже с головы сбили. Закричала Нина:

— Вы куда, ребята, моего придурка повели? У него денег всё равно нет, они все у меня. Отпустите, а то всем навешаю.

А Нинка баба видная была, холёная, рослая. Убежали ребята, а она мужу пеняет:

— Ты зачем с ними пошёл?

— Нина, ты же знаешь, что я очень доверчивый человек. Не ругай меня, а то мамке на тебя пожалуюсь.

Однако жили они и не тужили. Работал муж сварщиком и был на хорошем счету. Приходит раз с работы весёлый и общает жене:

— Нина, меня от завода в Японию работать посылают на год.

— Да кто такого придурка в Японию пошлёт?

Ходила она на завод, начальство отговаривала. А на заводе только удивились: дескать, вашей семье большая удача выпала, и не думайте отказываться.

Уехала Нинка с мужем в Японию, да вместо года они там семь лет прожили. Муж её так в работе японцам понравился: тихий, исполнительный и поклоны бить по-японски научился. Вот и подумай: любит чудаков Япония!